

ПЕТР БРЮСОВ

НАЧАЛО
СЛОВА

Магадан
Издательство «Охотник»
2020

ББК 84(2=411.2)6-5

Предисловие
Галина Склейнис

Художник
Александр Мягков

Брюсов П. В.

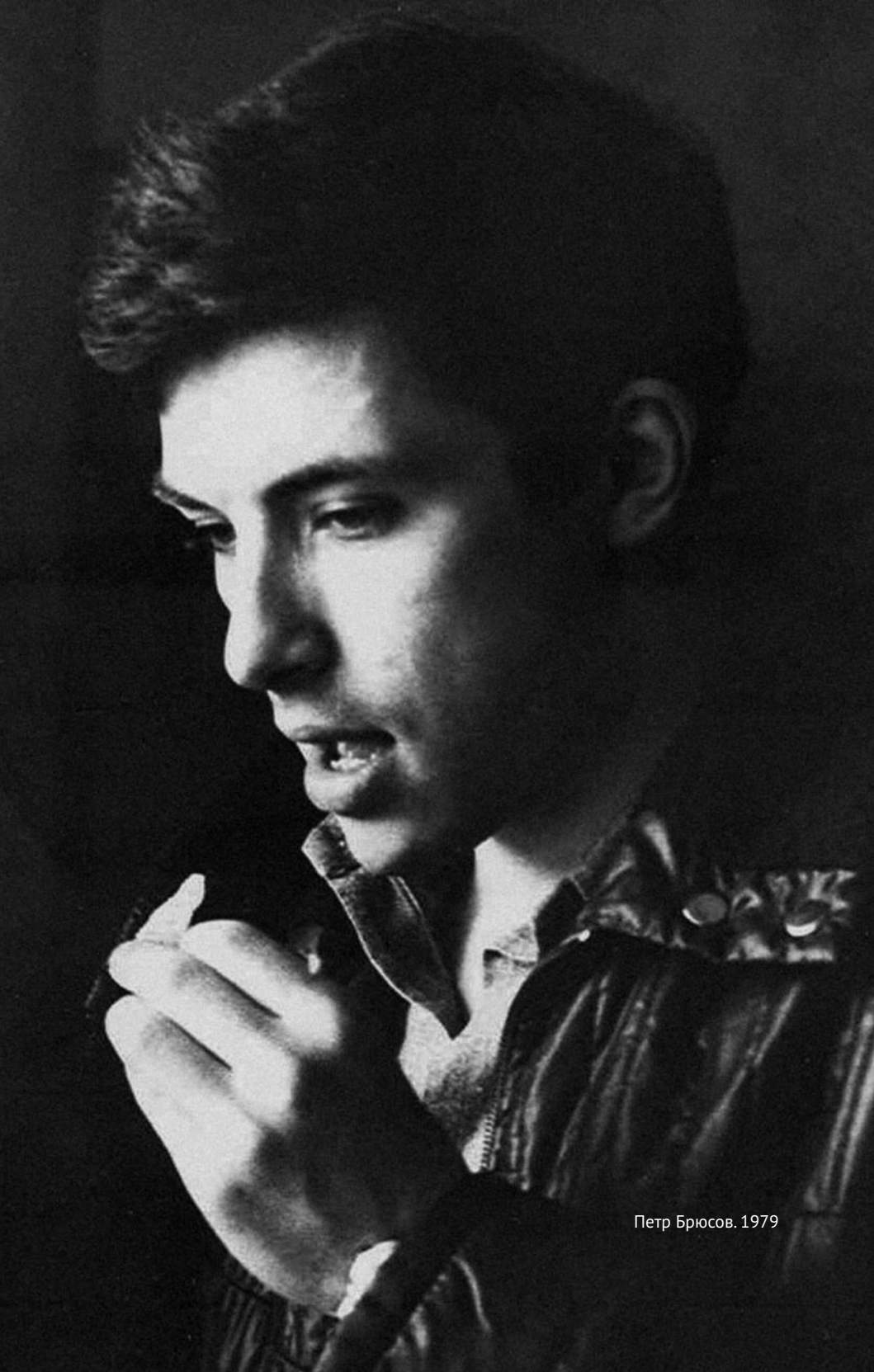
Б89 Начало слова : [сб. стихов] / Петр Брюсов; Предисл. Г.Склеинис. – Магадан : Охотник, 2020. – 126 с.

В дебютный сборник Петра Брюсова вошли стихи, написанные автором в период 1970–1990-х годов.

Поэт с предельной откровенностью рассказывает историю своей любви, историю отношения к жизни и смерти. Несмотря на молодость автора, это взгляд мудрого, самоироничного, глубоко переживающего и понимающего человека.

ISBN 978-5-906641-63-2

ББК 84(2=411.2)6-5

Петр Брюсов. 1979

ПРЕДИСЛОВИЕ

У Петра Брюсова есть стихотворение «Поэзия»:

*Писать, как дышишь, просто и серьезно,
Не подбирая по размеру слов,
Писать про все, не принимая позы,
Лишь наслаждаясь музыкой стихов...*

Произведение, несомненно, программное, рисующее потребность творчества («Поэзия мне – милая сестра»), механизм рождения и особенности восприятия («Кружат неуловимо сотни глаз // И прячут взгляд за взмахами ресниц») стиха.

Однако мне бы хотелось поставить своеобразным эпиграфом к сборнику стихов другие слова П. Брюсова, написанные вовсе не о поэзии, а, как следует из контекста, о любви:

*Нам небо ниспослало торжество
Сказать три слова и не повториться
В пылающих губах,
В пылающих ресницах...*

Мне бы хотелось сделать так потому, что поэту действительно удалось избежать однообразия, рассказав при этом целую историю своей любви и историю отношения к жизни и смерти. Рассказав с предельной откровенностью, в подробностях и одновременно с предельной деликатностью и нежностью, что очень сложно сделать (любовь), с предельной мудростью и самоиронией пережившего и понимающего, а потому снисходительного человека (философия).

В сборник включена короткая автобиография. Она примечательна. Через прокручивание «слайдов памяти» дана история не

этапов жизни, а история непростых любовных отношений, когда *«чувства стали сублимироваться в стихи»*. В характере биографии угадывается личность автора и, если хотите, предвосхищается манера его творчества: тактично, сдержанно (при несомненном напоре чувств), слегка иронично...

Автобиография помогает лучше понять, легче представить историю любовных отношений поэта. Но по большому счету в этом нет необходимости. Мы ведь можем реконструировать элементы жизни по творчеству автора. В цикле же стихотворений П. Брюсова движение поэтической мысли происходит предельно просто, откровенно, искренне. Нет желания самореализоваться, покрасоваться, самоутвердиться. Есть потребность высказаться, и это очень импонирует.

Кроме любовного «сюжета» (насколько он возможен в лирическом произведении) с первых страниц сборника привлекает то, что искушенный читатель особо ценит в лирике: изощренность и свежесть ассоциаций. Обращаю внимание тех, кто будет читать лирический цикл. Мне особо запомнились три примера.

1. О различии двух людей можно сказать по-разному. Можно так: *«В одну телегу впрячь не можно // Коня и трепетную лань»* (А. Пушкин. «Полтава»). А можно так:

Любить не может чайка медвежонок гризли.

Чайка горда, свободна, стремительна, трепетна. Медвежонок гризли неуклюж. Но он добрый и милый. Что у них общего?..

2. *«Прошла луна по звездам»*. Обычная метафора, полустертая, но звучит красиво и немного загадочно: как она «прошла»? Очистила звезды или закрыла их? Видно из контекста: раз стало темно, наверное, закрыла.

3. Всегда радуют находки, связанные с очеловечиванием животных. У Брюсова не менее удачное и оригинальное опредмечивание:

Кошка на стуле – как в чашке повидло.

Таких находок очень много, и получаешь большое удовольствие, пытаясь постичь природу ассоциаций.

Философская тематика представлена в сборнике очень разнообразно. Но тут находится много «мужской» лирики, в которой я чувствую себя менее компетентно, а потому скажу о себе словами автора:

*Ты не поймашь рыб больших,
Не здесь другие ловят их.
Пустым отсюда уходи,
Видать, ты с детства не удил...*

В заключение хотелось бы обратить внимание на одно из стихотворений второго раздела лирического цикла. Попробуйте представить себе созданную П. Брюсовым картину. Рождение слова. Создание образа. Очень красивое, изысканное, завораживающее стихотворение. В духе старшего символиста В. Я. Брюсова.

*Словно знаки за трафаретом,
Проступают сквозь солнечный смог
Облака в самолетных корсетах
И земля в хулахупах дорог.*

Галина Склеинис,
доктор филологических наук,
профессор кафедры
русской филологии
и журналистики СВГУ

ЭТО БЫЛО
СЧАСТЬЕ...

НАЧАЛО СЛОВА

Ты перестала песню петь,
Задумчивая встала у окна.
Я знаю, хочешь улететь.
Но почему одна?

* * *

Ты прислушайся,
Как тикают часы в ночной тиши,
Как поет сверчок,
Как ветер листья ворошит.

Бьется ночь усталостью в висках.
Нет, причины ссоры мне не отыскать.

Ты прислушайся, как тикают часы,
В такт им ветер за окном гудит.
В жизни много так бессмысленной тоски.
Позабудь обиду! Приходи!

В стеклах мелкой дрожью отзовется самолет.
Меж деревьев в лунном свете
Тощим гордым силуэтом
Пронесется Дон Кихот.

Наша сказка вновь вернется,
Пусть она мала.
Жду тебя,
Как летом снега,
А зимой тепла.

Приходи, мы будем вместе
У окна сидеть и слушать сказку.

Твое дыхание, прикосновенья рук,
Глаза и губы снятся по ночам.
Я слышу сердца маленького стук
Сквозь боль и даль, сквозь шум и гам.

Как гном перед Китайскою стеной,
Стою перед чертой, оценивая обещаний вес.
Мы сами провели ее с тобой.
Фильм кончен, и сомкнулся занавес.

Что послужило вдруг причиной расставанья?
Неужто виноват лишь я один?
Что не позволило продлить свиданье?
Как жаль, что я не дух, не маг, не джинн.

Все колдуны умеют по глазам читать
Желания простых людей, угадывают мысли.
А мы друг друга не смогли понять;
Понять, чтоб слиться, жить, не потерять.
Любить не может чайка медвежонка гризли.

Монокль изящным жестом подняла,
Всмотрелась, улыбнулась мило,
Забыла вмиг и прочь пошла.
Слова и лица мимо, мимо...

Жизнь шествует среди людей.
Ей нравятся загадочность и грусть.
Кого приметит, сделает добрей.
Притворства не хочу, уходит пусть!

Высунули звезды язычки в ночной проем,
Ветер воет как мертвец, проснувшийся в гробу.
Видишь ли, нельзя писать стихи вдвоем,
Вместе можно сочинять одну судьбу.

А какой она получится, не знаю, –
В будущее, как ни извивайся, не заглянешь, –
Может, света полная до краю,
Может, как печальный затверделый пряник.

Царица Тамара в оправе чеканной
С большими глазами, улыбкой туманной,
Осанкой и статью гордясь и красуясь,
Стыдливо потупившись, ждет поцелуя.

Прошлое кануло, мертвым не встать.
Как можно к чеканке меня ревновать?
В молчанье сидишь, ждешь, когда я пойму.
Чудачка смешная... но все же сниму.

Прошла луна по звездам,
Подрагивают свечи.
Себе шепну: «Как поздно
Уснул мой человечек».

Тепло сопишь в подушку.
Губами лба коснусь.
Тобой, моя подружка,
Никак не надышусь.

Фонарь, качая тени,
На стены сумрак льет.
И, муркнув, на колени
Запрыгнет старый кот.

Ты спи и слушай сказки,
Что он тебе расскажет.
А мне не надо ласки,
Мне быть с тобою важно.

С гулким грохотом, стуча по рельсам,
Головой покачивая, словно пальцем,
Подбежала электричка, распахнула дверцы,
Выплюнула, заглотнула и помчалась дальше.

Мчатся бесконечной вереницей.
Знаю, не приедешь ты к моей печали.
Вспомнив обо мне, не засмеешься,
Не заплачешь и не будешь злиться.
Верно, встретившись, мы притворимся,
Что друг друга никогда не знали.

По вечности бродить, как по долине снежной,
Устанешь. И когда замрешь во сне,
Ты вспомнишь вдруг картинки жизни прежней,
Где ты и я, счастливые вполне.

Смешливый, галантный, бесстрашный,
Бедный мой рыцарь.
Как, сказку услышав, в прекрасную деву
Мог ты влюбиться?

Друг мой, очнись!
Бал, и кружатся дамы в парах,
Каждая – как цветок.
В танце они так изящны, ведь правда?
– Правда, но это не то.

Годы валились как башни от взрывов.
Мой рыцарь о деве грустил.
Она бы, конечно, его полюбила,
Сумей он ее найти.

Наши встречи, вспыхнув, растворились
И невозвратно позади остались.
Словно веки навсегда закрылись,
Словно в горле горький ком запалый.

Наши руки, взмахнув, разлетелись,
Где их теперь искать?
Разве этого мы хотели?
Запутали, – не размотать.

А сегодня, совсем ненароком
Повернувшись, увидел тебя,
И не мог насмотреться, застыв как-то боком,
Булку хлеба в руках теребя.

Переступая туфлями-ходулями,
Не поднимая глаз от травы,
Плыла, как памяти целая улица,
Другие улицы с ритма сбив.

Когда-нибудь будет тебе не спаться,
И вспомнишь ты тоже о песне неспетой,
Как мы учились зимой целоваться,
Как по железке ходили летом.

Солнце за лесом угрюмым садится,
Сердце усталой печалью заныло.
Грустно, что всё это не повторится,
И все же спасибо, что это было.

* * *

Зябко что-то стало, как ты – не замерзла?
Помню, ты и летом-то пряталась от ветра.
Ветер тот, слюбившись с темнотой промозглой,
Гонит сырь и холод на худые ветлы.

Нет тепла от колкой лампочки запевной.
Девочке не спится на складной кушетке.
За окном качнулись черные деревья,
Дрогнут безнадежно, растопырив ветки.

На стене напротив маятник грохочет.
Мерный скорый поезд тронул стекла гулом.
Ладно, хватит думать. Далеко за полночь,
Повернувшись на бок, девочка уснула.

И забыла разом о дневных недугах,
О мечтах далеких и ушедшем друге.

Погнутый диск, потренькав, замолчал,
И тихо стало в комнате ослепшей,
И только сквознячок слегка качал
Седую паутину с рваной брешью.

Чихал в углу забытый граммофон,
Две мухи спали на разобранной постели,
Мерцала лампа, изогнув плафон,
Стелилось время тенью в подземелье.

Валился на обои потолок,
Пластался пол под пыльной политурой.
Как дорог мне твой хрупкий уголок,
Застрявший в ожерелье арматуры.

«Поздравляю с Новым годом!», а потом:
«Что же вы не пишете, не звóните?»
Вылетели ветром из цветов
Карие глаза и пальцы тоненькие.

Было тяжело тебя обидеть,
Отступив за угол, в немоту.
Как хотелось мне тебя увидеть,
А идти к тебе не вмоготу.

Ты – святая чистота и нежность.
Принц из сказки – вот твоя судьба.
Я простился. Светит мне надежда,
Что моя исполнится волжба.

Эхом в домах почерневших
Цокот сапожек девичьих.
Как ты решилась, сердешная,
Ночью, одна, – удивительно!

Сзади слышался топот.
Страх по лопаткам налимом.
Жутко дыша, нагоняет...
Мимо.

Смотрит, к стене прислонясь,
В спину так напугавшего.
Шепотом эхо браня,
Двинулась медленно дальше.

Сзади опять кто-то кашляет.
Без умысла подхожу:
«Вам ведь, наверное, страшно.
Можно я вас провожу?»

Бросилась тень на мороз из подвала,
Охнула дверь от удара ногой.
Спичка погасла. Всё, что осталось, –
Три сигареты на одного.

Ночь керосиновой лампой мерцает.
Волосы руку прижали в изломе.
Вот и ушло из сердец трепетанье.
Падают фото твои золою.

Холод собачий, и свитер не греет.
Кошка на стуле – как в чашке повидло.
Пленку хватает пустая кассета.
Боже, как все абсолютно обрыдло!

Томик Шекспира, страницы в морщинах.
Пачками перья в багажных вагонах.
Нитка закручивалась от паутины.
Плакал, проснувшись, за стенкой ребенок.

Одеваться надо теплей,
Мерзнуть тогда не будешь.
Обниматься надо сильнеей,
Губы тогда не застудишь.

Если бояться слов,
Сказанных кем-то раньше, –
Не прошептать стихов
И не найти в них фальши.

Ветер метелит мех,
Дым сигаретный в зрачки.
Счастье, оно лишь у тех,
Кто уже мертв почти.

Плитки счастливых дней
Тают от губ всё быстреей.
Слезы летят на снег,
Как в янтаре, в них – смех.

Бьются обрывки фраз.
Ну же, целуй, обнимай!
Надо в последний раз
Зубы разжать: прощай!

Помнишь ежика на тропинке?
С длинным носом комок иголок.
Как он бегал от нас между елок,
Подминая с ворчаньем травинки.

Душевное распутство взяв на веру,
Исполнив мелкую работу ради хлеба,
Друзей предусмотрительно отвергнуть
Готов, чтоб сгинуть без помех нелепых.
И в час, когда последние надежды
Исчезнут на безумство вдохновенья,
И путь останется один, куда допрежде
Не смел смотреть, страшась надгробной тени,
Ударит колокол, и встанет на пороге
Любовь с оленьими глазами и устало
Ко мне приблизится. О, боги!
Она рыдает, и неведомая жалость
Наполнит сердце гаснущее страстью,
И рок судьбы отступит, преклонившись
Пред таинством познания счастья,
И мы покинем этот мир, соединившись.

Ты не пишешь.
Что мне думать, не знаю.
Птицы – в стаи,
И кричат, как ватага мальчишек.
Каждый день понимаю: не пишешь,
Хоть строку, может быть, начинаешь.

Ну а мне что писать?
Жизнь ни в бога, ни в мать.
Под командою спать –
Снов вовек не видать.
Остальное – сухое и пресное.
Кроме снов ничего интересного.

Так с чего же я начал,
В чем основа основ:
У меня недостача
Твоих ласковых слов.

Расспрошу и привечу,
Липкий сон поборов,
Всех друзей и врагов,
Но тебя не замечу.
Как легко мы расстались:
Ветром вымело значимость жестов.
Оба сердца на части распались,
Или только мое, – неизвестно.

Думать ни о чем так просто,
Подпирая коленом щеку.
Над березовой рощей проклюнулись звезды,
Надо мной хороводом по небу текут.

Я уйду из дома по лесной тропе,
Добреду до пня на самом крае,
Затеряюсь меж стволами как в толпе.
Издали дворняга будет лаять.

Сколько нам любить отмерено,
Знает соловей в луне,
Он судьбу предсказывает посвистом и трелями,
Часто замолкая в сладкой тишине.

Сигаретный дым струится.
Возвращаться все-таки придется.
Оставляя позади себя частицу,
Человек обратно в угол свой плетется.

МЕТРО

Проснись...
Асфальт на подъеме лоснится,
Белый запах плавится под ногами.
10 минут.
Стены тоннеля подрагивают,
Сноп света грохочущей кистью
Соединяет станции-вздохи.
Проснись...
Сигарета истлела до фильтра.
Двери – мимо,
Турникету – пятак под язык.
5 минут.
Вниз,
По лестнице, огибая локти,
Животы и сумки,
Пляшет под пальцами поручень.
Не оступись!
Проснись...
Закачался медный кругляш, –
Хлынул воздух,
Все смотрят направо.
Полминуты.
Она во втором вагоне с конца,
Ее отражение тихо плачет.
Предстанционные звуки.
Проснись...
Двигается гусеница трехглазая.
Мысленно каждый уже садится.

Перрон выворачивает винтом.
Она во втором вагоне с конца, –
Золотистый кусочек, почти
Растворенный в стакане состава.
Беги!
Торможение. Ахнув,
Зеркально откинулись ставни.
Ну проснись!
Завороженно
Глядит на тебя и не верит:
– Ты? Почему?
«Осторожно!..» –
Поезд устало прикрыл
Глаза руками дверей,
Тронулся,
Быстрее и быстрее.
Два запоздалых шага.
Стекло помутилось
От ладони, дыхания и взгляда.
Есть же еще стоп-кран!..
С хлюпом тоннель всосал
Твою горечь, ее удивленье.
Милая!
Вот и простились,
Вот и простили,
Вот и проснулся...

Как я соскучился по дому!
Мой берег разделенный и несчастный,
Кружась, летит со скоростью парама,
И до него уже не хватит сил добраться.

* * *

У меня еще есть полчаса
Написать тебе что-нибудь.
Пусть нам прошлого не вернуть,
Я успею тебе написать
За полчаса.

Ветер утренний рвется в окно.
И Останкино розовеет.
Я смотрю немного левее,
Где мерцает среди домов
Твое окно.

Как хочу я тебя обнять,
Прикоснуться к виску губами,
Чтоб шепнула ты слово «мама», –
Тихо-тихо, не услышать.
Что же с нами?

Залоснились подьемы дорог.
Ветер смолк, он отбил себе пальцы.
Почему тебя не было раньше?
Как карабкаться прежде я мог
Вверх без дорог?

У меня еще есть полчаса
Что-нибудь тебе написать.

Нам небо ниспослало торжество
Сказать три слова и не повториться
В пылающих губах,
В пылающих ресницах.
В пылающих сердцах
Качнулось божество,
Как отражение в воде.
И в лицах
Соединила отблески зарница –
Нечаянное чье-то колдовство.

Поведу карандаш по листу
Наугад, как во сне.
Контур наметился в сереньком платье...
Помнишь последний снег?
Мост, и мы на мосту,
На горбатой его спине.
Если уйду в темноту,
Если больше не встретимся,
Горько ль заплачется?
Много ль заплатится?
Ведь не отвертимся,
Придется ответить нам
Или сойти с ума.
Хоть улыбаешься ты недоверчиво,
«Да» или «нет»? –
Тут не может быть третьего.
Если расстанемся вдруг опрометчиво,
Нас не простит зима.

Газета озаглавила шуршащий потолок,
Встряхнув крупинки белые под брюхом комариным.
Печатался стремительно посмертный некролог
Стараньями мушиными в углу на паутине.

А я летал по комнате, одетый неконкретно,
Громил шипы сомнения и прочих насекомых.
Грустить – «бадям!», скучать – «бадям!» – ведь это очень вредно.
Еще вредней бродить в своих душевных катакомбах.

И час, и два лежал без сна на белой простыне,
Томительная дрема окутывала саваном.
Мне мнилось, слабый шепот шел в звенящей тишине,
До боли неразборчивый, как плеск прибоя в гавани.

Качало, словно маятник, кулак огромной комнаты.
В паденье развернулся весь мир передо мной.
Дрожат, переливаются огней ночные россыпи.
И безысходность смыло ликующей волной.

Пронзая измерения, в спирали перекручено,
Смирилось время, оком мустангово кося,
Ленивой гибкой бестией с повадками тягучими,
Сверкнуло разом звездами, над бездною скользя.

Любовь неисчерпаема – Солярис неразгаданный –
Единственно достойная царить среди людей,
Она нашла нас, милая, и время не преграда ей.
Так преклоним восторженно колени перед ней.

Усни, моя милая, – день отшумел, –
Тело блаженно расслабив в постели.
Лунные тени по стенам расселись,
Кран бормотнул и опять онемел.

Завтра по новой забот кутерьма,
Нашу свободу задев ненароком,
Бросит нас вниз по теченью, поскольку
Мы от теченья с тобой без ума!

Мы без ума в водопаде страстей,
Солнечным брызгам отдавшись всецело,
В тело вплетаемся ласковым телом,
В ласке сгорев, возрождаясь затем!

Слушай, как здорово жить и любить,
Только расставшись, соскучиться жутко.
Верю, что нежные девичьи руки
Счастье найдут у меня на груди.

Милый Гаврош, улыбнись мне светло.
Помнишь, как топали: руки в карманы,
Квас попивали из кружек громадных.
Квас был прохладный, и было тепло.

Как же мы раньше с тобою могли
Порознь растрачивать время беспечно!
Ну ничего, впереди еще вечность,
Целая вечность, одна на двоих.

Будем, обнявшись, по паркам бродить.
Нам предвещает косматое лето
Вместе встречать восхищенно рассветы
И на закатах друг друга любить.

Ветер зевнул и из лап упустил
Звездочку, с неба слетевшую феей.
Пусть она сон тебе сладкий навеет.
Спи, моя милая! Милая, спи...

Алый с золотом звон
На сверкающем лужами синем асфальте,
Алый звон с синевою
Между листьев наполненных зеленью лип.
Так неволен мой стон –
Глупой коже приснились касания пальцев,
Этой алой весной
Сочинивших высокий и светлый мотив.

Люблю тебя, мой славный человечек,
От пяток до макушки без стеснения.
Я в автоматы загружаю «двушки»
И рвусь к тебе, как из темницы пленник.

И жажду новой, пусть короткой встречи,
Дарующей любовь и вдохновенье.
И жилы заполняет откровенье:
Мы вечно вместе!
Вместе будем вечно!

Пусть всё и вся когда-нибудь конечно,
И захлестнет всех страждущих печаль,
Нас не коснется времени печать!
И не хватает воздуха молчать:
Люблю тебя, мой славный человечек!

Ушла. Удерживать не стал,
Устал!

Пока порыв твой не погиб,
Беги!

Поймала снова нас тоска.
Пока!

Вновь я лишь в этом виноват.
Виват!

И если что скажу теперь,
Не верь!

И не жалею, что ночь не сплю.
Сплюнь!

Гундят мне в уши глубоки
Гудки.

Забыла выслушать мой стон.
Постой!

Ведь без тебя, чудесный друг,
Какую.

* * *

Мне эта осень заплатит вдвое
За дни разлуки, за дни бессилья,
За то, что я поминутно трогал
Кольцо, которое ты носила.

Квартира наша глядит пустыней,
Залита светом порой полночною.
Мое дыханье в ней тихо стынет,
И стонет сердце от одиночества.

Помыты руки, лицо умыто,
Стою зачем-то над умывальником...
Я не могу! Я будто побитый.
Ты унесла мой цветочек аленький!

Дела такие, – мне всё понятно.
Но мне приснилось, моя подружка,
Что ты забыла пути обратно,
И я заплакал, крича в подушку.

А дни идут потихоньку вроде,
Желтеет лист на ветру кленовый.
Мне эта осень заплатит вдвое,
Коль не сумеет найти виновных.

Здравствуй, жenuшка,
Свет мой зоревый!
Как ты там живешь,
Что на завтрак ешь,
Что на ужин пьешь?
Тяжело ль несешь
Свою долюшку?
И о чем поешь,
Моя скворушка?
Ох и лихо мне
Покидать тебя.
Каждый раз сильней
Сердце режет грусть.
И вослед глядят
Мне твои глаза,
Провожая в путь,
Возвратить назад
Поскорей хотят
И обнять опять.
Я вернусь, мой свет,
Не печаль бровей.
Ведь на свете нет
Нас с тобой нежней,
Нас с тобой верней,
Нас с тобой сильней.
Я вернусь, прорвусь
Из любых тенет.
Из страны теней
К нам придет рассвет.
Двину скулами,
Хлеб поджариваю,
Только с куклами
Разговариваю.
Да звенят-гремят
Телефонами
Обе матушки,
Две хохлатушки:
– Как там доченька?
– Как там жenuшка?
И допрос ведут,

Рассказать велят,
Что я ем, что учу,
Ну и прочее.
Кипятил белье
И сейчас кипячу.
Надоело всё.
Я к тебе хочу!
И мечта одна,
И любовь без дна.
А пока ты там
Ножки стаптываешь,
Я к зачетам
Готовлюсь старательно.
Накопил «долгов»,
Вот, расплываюсь,
Не хватает слов.
Ох, дела-дела.
В общем, жизнь пошла
Дюже мрачная.
Впрочем, это – так,
От усталости.
Просто ты далеко,
И пишу-ищу
Твоей жалости.
Знаешь, так чуточек
Поплачешься,
И светлеет ум,
И учить легко.
А на самом деле
Твой муж – мастак
Все науки в себя закачивать.
Одолею.
Неделя быстро кончится.
Поутру заснет
В небесах звезда,
И взойдет
Умытое солнышко.
Прибегу, закричу,
Обниму тогда
Мою лапушку,
Мою женушку.

Здравствуй, милая, родная!
Как ты там? – сию, гадаю,
С нетерпением ожидая
Утро завтрашнего дня.
А пока ночная вьюга
Носится во тьме по кругу,
Потихоньку сочиняю
Про тебя и про меня.

За окном черно, как в бочке.
Зачесалась уха мочка,
Встречу скорую пророча, –
Суеверен стал я, жуть.
У меня на этой почве
Проросли уже цветочки:
Так ужасно мир непрочен,
Что боюсь на миг заснуть.

Сливки скисли в простоквашу.
Вспомнил день позавчерашний.
До чего ж я был незрячий
И глухой, как сто глухих,
Если из обиды зряшной
Заварил такую кашу,
Что, не слыша даже плача,
Бил обоим нам под дых.

Это было что-то вроде
Помешательства. Исходит,
Может, это от породы
Самодуров-праотцов.

Кровь во мне дурная бродит.
Стыд перед тобой изводит,
Боль по жилам хороводит
Неслабеющим кольцом.

Так сижу, пишу угрюмо,
Наплывают мерно думы,
Бессознательно, бесшумно,
За волной храня волну,
И, накладываясь в сумме
Незамеченным тайфуном,
Биотоками безумья
Рвут усталую струну.

Спи, мой ангел изумрудный!
Никогда еще так трудно,
Никогда еще так чудно
Я не чувствовал, не жил.
Будут праздники и будни.
Будут просто злые люди,
Но хороших больше будет,
И среди их светлых судеб
Мы свою с любовью сложим
И споем ее как сможем,
Наши голоса сложив.

Спи, родная! Время спать.
Завтра свидимся опять.

Снова дождь. Разлука снова.
Слышу каждый раз под утро
Шепот девичий спросонок:
– Что же ты не едешь, друг мой?

Ты прости меня, родная!
Я виновник расставанья.
И меня не оправдает
Ни болезнь, ни расстоянье.

Страшной болью не пытали,
Сто смертей не обещали,
Сам уехал, боль оставив
За печальными плечами.

Мой любимый человек,
По ночам не спим, не дышим:
Что-то шепчешь, что-то шепчешь,
И в ответ шепчу неслышно.

Шаг до нервного обрыва,
Шаг до звездного тумана...
До чего же ты красива!
До чего же ты желанна!

Дождик рьяно воздух косит.
Глянь в окошко: высох дождик.
Больше эта злая осень
Удержать меня не сможет.

Я приеду, друг мой милый!
Не указ нам эта осень.
Только сердце сердце спросит:
«Где же мы так долго были?»

Мы влюбляемся каждодневно,
Каждодневно влюбляем в себя,
И сливаются нежность и ревность,
Воскрешая нас из «не любя».

Снег летит за окном серебром.
Прикрывая рукою глаза,
Мы спешим добежать до метро.
Остаться нам дома нельзя.

Ну зачем, в самом деле, спешить?
Ведь разлука так близко с бедой.
Но иначе, наверное, жить
Не дано нам с тобою судьбой.

Дай мне руку, сядь со мною,
Улыбнись мне, друг желанный!
Помнишь, прошлую весною
Как мы встретились случайно?

Мы опять разделены.
Дни проходят беспокойно.
Серой силой совы-сны
Нас смиряют в разных койках.

Каждый вечер по письму
Пишем оба поздним часом,
Оба долго смотрим в тьму,
Вместе думаем о счастье.

Нам с тобою повезло,
Жизнь-злодейка улыбнулась,
Подхватило, понесло
Чудной силой с ровным гулом.

Не грусти, смотри легко,
Бесконечность порознь – мнима.
Друг от друга далеко,
Мы с тобой неразделимы.

Вечерело. Ветки дерева
Шевелили слабо листьями.
Перед скворушкой уверенно
Встал скворец и поклонился ей:

– Разрешите вас, сударыня,
Пригласить на бал сегодняшний?
Я прошу, составьте пару мне,
Соглашайтесь же, хорошая!

Улыбнулась грустно скворушка,
Улыбнулась и заплакала:
– У меня случилось горюшко –
Заболел сынок мой маленький.

– Ну не плачь, моя хорошая! –
Он ее погладил крылышком.
А из глаз ее горошины
Все катилися неслышимо.

Он задумался, но вскорости
Встрепенулся, поглядел на нее:
– Помогает против хворей всех
Чудо-пенье соловьиное.

Полетел быстрее к бору он,
Разыскал соловья на поляночке,
Рассказал ему про скворушку,
Про ее сыночка малого.

Согласился лекарь спеть для них.
Вот сидят на ветке грушевой,
Впереди скворчонок серенький,
Все сидят и чудо слушают.

* * *

Тебя всё нет. Сижу и жду,
Глаза закрыв. Будильник ровно
Секунды отмеряет. Сотни комнат,
Как и моя, сквозь ночь ведут
Тех, кто в ночи. Ведут любовно.
Дай бог им всем дойти!
Не помню, как долго ждал.
Из сотен комнат
Лишь две освещены бессонно
Остались. Раздвоился словно
Весь мир. И ты давно пришла,
Но нет меня. Будильник ровно
Секунды отмеряет. В унисон
Два механизма сеть густую ткут
Из времени. Но вот,
Ты слышишь стон?
Один из нас поднялся и от пут
Забвения с трудом освобождаясь
Шагнул из света в ночь, соединяя
Два мира вновь, и скоро будет тут.

Не сто́ит, видно, тратить сил
И тратить время, –
Ты не поверишь, что любил,
Ты не поверишь.

И даже встреча та была –
Нелепый случай.
Мы разошлись, и все дела,
Наверно, лучше.

И повторялся, и манил
Тот шорох двери.
Ты не поверишь, что любил,
Ты не поверишь.

Во сне, не зная, что нельзя,
Иль во прощенье
Две тени по земле скользят,
Две близких тени.

И не дыша, убив тепло,
И пальцы тоньше...
Взлетал и падал шелест слов
«Забудь» и «Помни».

Без испупленья, без могил,
По крайней мере,
Ты не поверишь, что любил,
Ты не поверишь.

Люблю, любим, и так легко
Летит неделя за неделей,
И в зеркала глядит покой,
И жизни словно нет предела.

Боялся верить и мечтой
Предвосхищал в безумье годы.
Но вот сбылось, и время то
Как свет звезды до нас доходит.

Сегодня ночью не спалось,
Хотелось пить, и мысли вились,
И повторяли тяжело,
Что мы с тобою изменились,

Что стали сдержанней и строже,
И часто только с болью вспомним,
Что поцелуй похож на дождик,
А слово может быть бездонно.

Чувство так беспомощно!
Если над ним не сжались,
Однажды оно кончится,
Однажды тихо скончается.

Ты слышишь эту тишину?
Да не погибнут наши души!
И кровь волною на волну
Два сердца с силой вновь обрушат.

Упало на руку перо,
Мелькнула в небе чудо-птица,
Как язычок от тех костров,
Что нам еще разжечь случится.

Конечно, вы правы, и нечего спорить.
Забудем усталость, оставим свой дом,
Пусть ветер несет нас в шальные просторы,
Как легких сухих парашютиков ком.

И если порыв к божеству не остынет,
И солнце росинки не слижет с травы,
То, верно, забудем про сон и седины
И будем беспечны, как свет от листвы.

Забудем обиды, забудем заботы,
Про время и деньги, родных и врагов.
Не нужно вина и не нужен наркотик, –
Всего лишь до боли вдохнем глубоко!

Конечно, вы правы, поклонники детства,
Но мы не привыкли к такой чистоте,
За искренность выдав слезу фарисейства,
Не можем понять ни себя, ни детей.

И всё же, и всё же колышутся травы,
Колышутся губы, сплетаются взгляды,
Не веря в добро, без стремления к славе,
Но всё же колышутся в странном параде,

Устало смеясь, не скрывая зевоты,
Весь мир понимая своим полигоном...

– Ты знаешь, вчера возвращаясь с работы, –
Шепнул и вздохнул он. (Она посмотрела.)
– Вчера возвращаясь с проклятой работы,
Я слышал, как горько заплакал ребенок!..

РОЖДЕНИЕ АРИНЫ

По ветру
Тепло тополиное плавно
Летит и никак не причалит
Ни к камню, ни к пламени,
Ни к кустику серому,
Ко мне – и давно.

Так жалко
В пушинке сокрытое семя, –
Не дышит, не стонет печально,
Не требует мамкину грудь
И пальчиками
Ее не прищемит.

Как странно –
Сегодня и только сегодня
Увидела свет моя дочка,
И матерью стала жена, –
Склоняется непрестанно
Над крошкой голодной она.

Толстенькие ручки,
Толстенькие ножки,
Между щечек – носик.
Девочка-матрешка

Жалобно повякает
С просьбой о внимании,
Улыбнется солнышком
Чудное создание.

Лапочка-мокрятинка,
Лежа в позе лотоса,
Радует родителей.
Только б им не чокнуться.

НАЧАЛО СЛОВА

НАЧАЛО СЛОВА

Пулька, пульс, пустышка, пума,
Пушкин, пух, пуловер, пульт!
Пугало, пулярка, пульман,
Пулемет, путевка, пункт!

Пуд, пупырышек, пурга,
Пудреница, пуща, пудинг!
Путь, пустяк, пузан, пугач,
Пустобрёх, пузырик, пудель!

Публицистика, пучок,
Пуговица, пукля, пуп!
Пуфик, пурпур, пустячок...
А пока всего лишь «пу».

И всё же, всё же, всё же
Друг на друга мы похожи.
И про это мы не сможем
Никогда с тобой забыть.

На что же, что же, что же
Ты обиделась, похоже?
Ведь тебя я слышу кожей,
И тебе ничто не скрыть.

И как же, как же, как же
Мы расстанемся однажды
И о чем-то очень важном
Не успеем рассказать?

И кто же, кто же, кто же
Нас утешит и поможет
Не пропасть в толпе прохожих
И узнать друг друга, боже,
По измученным глазам?

Поток неуловим,
Без остановки
Несет себя беззвучно под уклон,
Разматывая водорослей гривы
И сталью отражая небеса.
Неловкая оса
На ветку ивы
Успела оглянуться, а потом
Пропала, растворилась, словно сахар.
Лишь скорости прибавила вода.
Столкнула нас туда
Глубоким взмахом
Жестокая судьба. Ее закон –
Сжигать мосты за теми, кто посмеет
Подумать о любви и сделать шаг.
Безумия страшась,
Душой немея,
Как та оса, мы провалились в сон,
И губы переполнились дыханьем,
Слились и переплавились тела.
Слеза твоя светла.
Час расставанья
Стучит в окно, и тысячи ворон
Нам каркают тяжелую разлуку
Надолго, а быть может, навсегда.
Глубокая вода
Бежит без звука,
Несет себя, как прежде, под уклон,
Разматывая водорослей гривы,
И сталью отражая небеса.
Любимая, как больно!
Не жалея
О том, что было, –
Это было счастье.
Из боли прорастет цветок надежды!

Пленительная дева,
Поклон тебе, поклон.
Шепни, что должен делать
Тобою кто пленен?

С улыбкой понимала
Как малого щенка,
И пальцы обнимала
Горячая щека.

И что-то говорила
Без вывертов актрис, –
Так искренне, так мило, –
Попробуй не влюбись.

Попробуй обольщаться,
Что ты себя сильней,
Когда даруют счастье
Лишь встречи в тишине.

Веселая царица,
Живу тобой одной,
Я – шут, я – раб, я – рыцарь
И пленник верный твой.

В лад тихому напеву
Кружится небосклон:
Пленительная дева,
Поклон тебе, поклон.

Милая моя, я полон нежности.
Эта встреча принесла мне грезы.
Завтра мы опять с тобою встретимся
И опять друг другу улыбнемся.

Снова заскользим по гололедице
Вместе под морозными полотнами.
Вспыхнув, по хвосту Большой Медведицы
Звездочка взберется самолетная.

Ты лучше, чем ты говоришь,
И многое можешь, поверь мне,
Ты пламенем синим горишь,
И свет над тобой не померкнет.

Ты стала судьбой для меня.
Но есть молчаливая тайна
В рожденье лазурном огня
Из встречи как будто случайной.

НАЧАЛО СЛОВА

Вечер светел
Грустью вечной,
Светят свечи
В круге млечном.

Устала я, поверь, устала
Терпеть, прощать тебя и ждать,
Глотая слезы в тишине.
Ты весь в заботах и нимало
Не сомневаешься во мне,
В моей готовности бежать
К тебе по первому сигналу.
Я столько раз к тебе бежала
Помочь, утешить, поддержать,
И светлая девичья жалость
Так жаждала любовью стать.
Но ты не смог меня понять.
Я так ждала, я так мечтала...
Устала я, поверь, устала.
И всё же, знаю, буду ждать.

В эти дни, наполненные ветром,
На душе тоскливо и уныло.
Между нами сотни километров
И свеча, теряющая силы.

Свет и мгла, сменяясь бесконечно,
Создают иллюзию волны.
Милая, мне кажется, что вечность
Мы уже с тобой разлучены.

*1997, май (месяц ухода
в лучший мир мамы Анели)*

* * *

Утро прыгало с солнечной вышки,
Распечатав небес разводы.
Мы бежали к реке вприпрыжку,
Бултыхались в темную воду.

А потом, наплескавшись вволю,
Перемазавшись донной глиной,
Мы ложились на берег зеленый
И вертели в зубах былинки.

Мы о смерти тогда не думали,
О любви ничего не знали,
И высокое небо с хлюпаньем
Синевой растекалось над нами.

Возвращаясь домой под вечер,
Мы устало жевали крыжовник.
Уступали нам путь овечки,
У калиток мычали коровы.

ХОЧУ УЖАСНО
ДОЛГО ЖИТЬ

ПОЭЗИЯ

Писать как дышишь, просто и серьезно,
Не подбирая по размеру слов,
Писать про всё, не принимая позы,
Лишь наслаждаясь музыкой стихов...

Мне не дано небесного таланта,
Измучаюсь, пока сложу строку.
Но словно вновь толкает бес хвостатый –
Слова как капли по листу текут.

Пишу и вижу миллионы лиц,
Кружат неуловимо тени глаз
И прячут взгляд за взмахами ресниц,
Наверно, не желая делать зла.

Пишу и слышу зов далеких губ
И высоту, летящую орлом,
И чувствую, как рвется звук из труб
И затихает, пойманный стеклом.

Нет, не могу – как сладкая заноза
Влечение бумаги и пера.
Признание светло, как эти слезы:
Поэзия мне – милая сестра.

Убежал бы я на борт «Летучего голландца»
Схоронить от всех души нарыв.
Вот уж между сосен корабля маячат мачты...
Да кусаться будут комары.

Слова, что ничего не значат,
Как далеко на горизонте мачты,
Как призрачные мачты.
Недавние летящие мечты –
Как поздние завядшие цветы,
Последние цветы.

В бездну крутую идут звездолеты,
В тени вечной теряя года.
Просто иначе они не могут.
Кто не взлетел, не взлетит никогда.

Стынет небо черным крепом,
В страхе тени за кустами.
Жутко в шорохе нелепом
Хруст услышать под ногами.

Ветер сосны в лбы толкает,
Бьется, бесится и стонет,
Темень ближе подступает,
С воем прочь из лесу гонит.

Стук сухой в шершавой глотке,
Корчатся нервы от свиста пули.
Вздригнул.
Выгнулся: «Будь ты проклят!»
Впился зубами в руку и умер.

Поклон секундантам.
Плащ на плечи.
Гадом меньше – сердцу легче.

Светает.
Тело ноет в мучительном изнеможенье,
Под легким ветерком смыкаются ресницы.
Клубы тумана вниз текут, не тая.
Из полумрака в гулкой тишине встают виденья,
И жалобно зовут к себе и манят
Закутанные в саван лица.

Ну что ты в пол уставился, что скис?
Не жди, прогнозы в жизни – чистый бред.
И черта с два найдешь какой-то смысл
В мельканье пестром взглядов, жестов, лет.

Не будь упрям, – судьбу не переспоришь,
Не будь козлом, которого все без опаски
бьют,
Будь сам собой и в радости, и в горе,
Понять старайся, и тебя поймут.

В полете,
В безумном кричащем полете...
В полете
Крошечный бумажный самолетик.
Высоко
Ловит грудью прохладные струи,
Смеется,
Смеется, немного волнуясь.
Волнуясь,
Купается,
В свежей чистоте, раскрыв ладони,
Не глядя на землю,
На мрачную землю не глядя,
В счастливом серебряном звоне.

Тревога
Яркое солнце завесила пологом,
В небе стало жутко и холодно,
Холодно.
Вниз
Он рванулся от черного облака,
От облака.
Дождь
Равнодушно его обогнал.
Видно, устал,
Очень устал,
Размок и упал.
Не убежал
От черного-черного облака...

Люди, долго ночью по дороге шедшие,
На обочине встретили лешего.
Ночью другою проснувшись в стогу,
В поле увидели Бабу-ягу.
Когда в кровать залезали дома,
Им слышалась песенка старого гнома.
Это всё они рассказывали детям. А потом
Прыгала по листику с веревочкой
Маленькая девочка Дюймовочка,
С Василисою поигрывал в ладошки-ладушки
У окошка добрый молодец Иванушка.
И еще премного всякой всячины
Снилось ночью девочкам и мальчикам.

Две старухи болтали,
Вспоминали умерших и плакали.
Им ведь тоже когда-то ласково
В ухо каждое что-то шептали,
Обнимали и целовали
В губы, в щеки и в самую маковку
Те, которых они переждали,
Перелюбили, перестрадали,
Те, которые смерти отдались
Все по-разному и одинаково.

Существование – будто сестра,
Не совершай мы волшебных ошибок.
Жизнь – это точно любимая, ибо
Благодарю, что не умер вчера.

Ибо права не вражда, а волжба.
Может быть, завтра скажут: «Пора!»
Так нацарапай с улыбкой пера:
«Благодарю, что не умер вчера».

Телевизорные страдания,
Транзисторные выговора,
Душевное выгорание
В комфортабельных номерах.

Этажи нависают над вербами.
У каждого – своя нора.
Электрички проносятся серые
С компаниями в тамбурах.

Петли лени, мещанства, безверия.
Мины ненависти и утрат.
В чашках кофе горечь безветренна,
И болит голова с утра.

На Земле – благородство и преданность,
На Земле – воровство и разврат...
– Да кончайте вы проповедовать!
Под землей разберемся, кто прав.

Оглянись посреди бесконечности.
А впрочем, не надо. К чему игра?
Не ходи ты в прошлое, – тесно там
Меж воронками старых ран.

Падает, падает белый холод –
Шелушится с Луны кора.
Вдалеке полукругом мерцает город...
Авторучка замерзла, домой пора.

«Это я-то тебя довела?
Ах ты сука! – свекровь кричала. –
Видно, мало тебе попадало!»
А девчонка в ответ молчала
И с надеждой мужа ждала.

СНЕГ

На крышах, на поле, на небе,
На руках, на душе, на могилах.
У свечи почернел фитилек
И согнулся, как будто служа молебн.
На столе, на стекле, на глазах
Бархат пыли.

Кот в углу потянулся,
Привстал, шевельнул ушами,
Лапы вытянул, морду на них положил.
Человек подошел к окну,
Занавески раздвинул и замер.
А над елью месяц кому-то судьбу ворожил.

* * *

В свисте атомной палицы
Потеряв меч и латы,
Неприкаянно шляются
Трубадуры галактик.

Лица – алая гроздь –
Ловят крики в эфире.
Прогорела насквозь
Трубка старого мира.

Подлецов осади
По глазам топором!
Где-то там позади
Был наш маленький дом...

Кошки на цыпочках ходят по клумбам,
Кошкам у нас величайший почет,
Кошки под окнами воют, как трубы,
Шляются парами – кошка и кот.

Что такое молчание?
Что за глазами с невыпавшим ливнем?
Как отгадать за порывами смеха отчаяние?
Не было просьб о помощи.
Не было их.
Лезть со своими слюнями в чужую душу
Подло и стыдно.
Так плохо, что плакать хочется.
А надо делать что-то сейчас же.
Страшное время съедает память.
Что же такое молчание?
Губы ссохлись в бревно
И прикинулись сволочью.
Нет, если сам не пойму,
Они никогда ничего не скажут.

Пес-дождина громом харкнул,
Почесал сосной за ухом,
Полежал, вздохнул украдкой
И, вконец собравшись с духом,
Побежал по белым хатам,
Находя по нюху сухость,
Нагоняя сон и мятость,
Разбавляя шумом скуку.

Забрось подальше, спиннингист,
Свою приманку – желтый лист,
Поймай резиновый клаксон.
Пускай хрипит худой баллон
Над храмом ржавых железяк
О ласковых сухих дождях.
Они промчались над горбом,
Даря дрожащий в марлю гром
Серебряным шальным малькам,
По голым их лупя задам,
И капельный воды поверх
Стоял веселый фейерверк.
Чудак-рыбак, на мелкоте,
В зеленой тинной тесноте
Ты не поймашь рыб больших,
Не здесь другие ловят их.
Пустым отсюда уходи,
Видать, ты с детства не удил.

Увернувшись, смотришь в потолок скрипучий.
Я из стульев выстрою золотой швамбал.
Без меня, угрюмого, может быть и лучше.
Пусть другой целует там, где я кусал.

Улыбнулась рельсина, и упал вагончик,
На узор бордовый вывалив ежа.
Гаденький цыпленок, ну-ка рявкни в бочку,
Чтоб от эха этого дождик задрожал.

Хмарь сквозь стены сыплется
на тетрадь стеклянную,
За тетрадью чудится милое лицо.
Простота жестокая, сырбурда желанная
Отказали серости, раздавив фасон.

ПЕТР БРЮСОВ

Словно знаки за трафаретом,
Проступают сквозь солнечный смог
Облака в самолетных корсетах
И земля в хулахупах дорог.

В дымном мареве дня
В катакомбах города
Ткет асфальт суетня
С шелухой под заборами.

Жмутся пары в тени
На замызганных лавочках,
Смотрят в окна на них
Бабки в стоптанных тапочках.

Бродят люди-слепни
По пролетам мостов,
В переплетах витрин,
В частоколе столбов.

Блуд закрытых дверей,
Гомон вышек афиш,
Стон опавших церквей
Меж запущенных крыш.

Здесь за каждым углом
Стоквартирная клеть.
Затеряться легко,
Если вдруг захотеть.

Ни тебя, ни меня
Не найти за запорами
В дымном мареве дня
В катакомбах города.

Очкастые, ушастые
В сиреневых носках,
Значительно бесстрастные,
Как выпитый стакан.

На лентах-тротуарах
Качают юбки бедра,
За окнами трамваев
Сидят на коже морды.

Катят краснотубые,
Выпячивая бляхи,
Висят волосья шубами
На циниках-монахах.

И, глядя на молоденьких,
Старуха примоднилась, –
Промасленная мумия
Всех хиппи перекрыла.

Из окон диким хохотом
Плюют магнитофоны,
И млеют кошки дохлые
На ссохшихся балконах.

О где ты, где ты, праведник,
Соперник Парацельса?
Дай средство нам от накипи
Привычек и безделья.

На доске лица исчезли блики.
Разгребают холод маятники кед.
Тянет над дорогой голос позабытый
Полотно печали и прошедших лет.

Те, что сразу бросили пить из общей рюмины, –
Все они, ушедшие, здорово правы.
Судей нет, наверное. Хочется безумно
Спрятать нос озябший в воротник травы.

Нам бы всё попробовать, горькое и сладкое,
Лишь бы было чистое, без камней песка.
В 18 кажется жизнь сплошной загадкой,
И от вдоха каждого устаешь слегка.

Скоро все устоится нерешенным настоем.
Напоследок рванитесь, пусть низгинут азы,
Пусть пузырится в сердце потаенной мечтою
Стон измученной скрипки в дольных венах грозы.

МОЛИТВА

Измотанность рождает забытье. Старая,
Мы видим Господа в глазах святого падре.
Бедняга рак с актинией на шее
По дну прошастал в стареньком скафандре.

О чем мы думаем в минуту вящей скорби?
Эх, жаль, нельзя беднягу рака – в суп.
На тот конец Земли не проскочить по хорде,
А обходить – пускай идет, кто больше глуп.

Эх, в баньку бы сейчас, на коже грязи воз,
И чтобы кто-нибудь потом пивка принес.
Как хорошо бы с раками пивка попить мне.
О, мученик небес, Иисус Христос,
И вы, мой милый падре, помогите!
Аминь.

Белым шорохом покрывала
Принимая тело зимы,
Помутившись, перемотало
Небо горло сухой земли.

Окружили клыкастые тени
Гравий ломаный у стены.
Глохнет перханье сонных мгновений
В шуме сохлых былинки лесных.

Прутья ноги в лужи отбросили
И застыли, давя озноб.
Листья молча гниют под откосами,
Им, упавшим, уже всё равно.

А другие вцепились намертво,
Исходя желтизной и пеплом.
Листья черные – символ памяти
О замерзшем в подвалах лете.

ХИППИ

Ровным голосом по бумагам
Ходят дикторы, как по глине.
Став участником хип-парада,
Я покрылся грязью, как инеем.

Ноги за уши – поза йогов,
Горлом в публику: сволота!
Генералы гитарных отбросов,
В стекла книгами – духота.

Выньте пальцы из банок с вареньем
Язвы в сердце перекрестить.
Тише! Слышите, – звякают деньги
Над соломенным ухом квартир.

Счастье, преданность, – очень мило.
Сводки равенства – старые сплетни.
Мир, где ценится только сила,
Как убийца, достоин смерти.

Горлом прикнопанный к ватману голоса,
Звуки, как птиц, выпуская из клетки,
Пел он, к звезде запрокинув голову.
Ветка качалась с листом на лафете.

Кони неслышно неслись над землею.
Спали ресницы, обнявшись, как дети.
Комьями падали клятвы на хвою.
Ветка качалась с листом на лафете.

Болью раздавленных окна горели.
Ветер осины охаживал плетью.
Как мы за эту войну постарели!
Ветка качалась с листом на лафете.

Струны по вечности мягко пылили.
Скорбь разрывала на части столетье.
Пел он, чтоб мы ничего не забыли.
Пламя – рукой над гранитным лафетом.

Человек рождается с открытыми глазами.
Голенькими тянется ручонками ко всем.
И скорее глазки лаской завязали,
Чтоб не выливался мир из-под бровей.

Ямы, рельсы, стены и ступени.
Скользко, больно, побежал – пропал.
Кто-то дико прыгнул, – в синяках колени.
Кто-то размахнулся, бросил, – не попал.

Каждый день по капельке набираем опыт,
По годам, как по полкам, шаримся с мешком.
Узел на затылке лопнул у кого-то,
Стал он то ли гением, то ли жуликом.

Сотни миллиарды миллиардов лет,
Как по лабиринту, бродят по Земле.
Сколько можно хвастаться счастьем нарисованным? –
Счастья забельмованным не было и нет.

Над головою руки,
Пальцы – не в кулак,
Сквозь них алело солнце.
Лето с чистым небом
Слетело с шелухой загара.
За осенью нагрелась зима.
На серые дома крошится серый снег.
Затылки спрятались в горшки-метелки,
И бледная рука лежит под левой грудью,
Качаясь в шубной тине,
Сердечко мечется у горла как на нитке.
Обычные заботы, разговоры,
Работа, где привычные движенья,
Банальные слова и выраженья.
Пришли, разделись, курят.
Как душно стало в комнате.
Шумят, роняют стулья.
Не выгнать, не проветрить, не уйти.
И тянет спать,
И хочется заплакать.
Но надо переждать: вокруг – чужие.
Скоро вечер.

Там, где котельная, виден был только
Стебель трубы над рекою сосновой,
Дым отделялся, делился на дольки
И растворялся в луне невесомой.

Стол доминошников, полусломанный,
Выставив ржавую спину, сидел.
Ветер десницею чуть прорисованной
Черным залил синеватый пробел.

Мерзлые пальцы по полукругу
К мятым губам подавали отраву.
Ноги плелись, погоняя друг друга.
Сверху ссыпáлась иглок орава.

Тихо, и окна горят белым светом,
Чьи-то глаза на заснеженной клумбе.
Так же, наверное, кто-то где-то
Топал с помойки, курил и думал.

Остановка – наизготовку.
Старушенция вяло сутулится.
Ветер, скалясь, гуляет по улицам.
Голова – как пустая кладовка.

Ты спешишь по хрустящим коржам,
Пальцы тонкой облиты перчаткой.
Может, вся наша жизнь опечатка,
Раз она никому не нужна?

Дрожью дробь поездных кастаньет.
За окошком ни чёрта не видно.
Веселятся акселерокинды.
Поворот заменяет куплет.

Сил не хватит остановиться.
Четки плачут в орущей пустыне.
Теребить непроснувшихся стыдно,
Да и поздно. Уже не напиться.

ПЕТР БРЮСОВ

Вышел месяц из тумана,
Как из тухлого кармана,
На зеленый небосвод
Починить водопровод.

Прислонись к столбу,
Пустота внутри.
Обмани судьбу,
Не ударься в крик.

Кто ушел, пускай,
Позабудь о них.
Под собачий лай
Растворись в тени.

На лесной тропе
Пелена мокра.
Под мостом ручей
Убежал в овраг.

На снегу цветы
Окосели враз.
И глядят кресты
В межкрестовый паз.

Сухостой хрустит,
Гарь ошибок в нем.
Смерть нам всё простит,
Все уйдем, уйдем.

Потихоньку вплетаясь в волну
Свежим, пахнущим хвоей банто́м,
Утро нечисть гнало в глубину
И играло в струе под мостом.

Вот опять завивается прядь,
И трепещет, как гладь, береста.
На литой подоконник присядь
И подкинь на удачу пятак.

Утекает под землю туман,
Небеса бирюзой захлебнулись.
Словно нет в глупой памяти ран,
Или за ночь они затянулись.

Ну давай, колесо, повернись,
Не задерживай стук на минувшем,
Спрячь за кругом блестящим заблудших,
Повернись колесо, повернись!

* * *

Западая в безумной атаке,
Ветер лупит в высокие стены.
Вдалеке подвывает собака
И смолкает в изнеможенье.

По спирали взвивается сажа.
В голове непрерывная качка.
Лязг по луже конфетной бумажки
Вторит выдохам старенькой клячи.

Еле тянет пустую телегу,
Книзу сонно опущена морда.
Волочится солома по снегу
Серпантинном усталого года.

Фонари иступленно гудят,
Будто пишут письмо под диктовку,
А на той стороне листопад,
Листья плавно над миром кружат.
В их безмолвии – вечная легкость.

Капиллярные арки окостенели.
Руки, распятые мраморным соком,
Строго кривились сквозь черное зелье,
Влитое в сотни стеклянных волокон.

Скопище ветром забытых уступов
В чашах пустующих амфитеатров,
Эхо неясных шуршаний и стуков,
Гарью взметнувшись, сокрылось обратно.

Через минуту разломится корень,
Искры пищат и, в дыму задыхаясь,
Бьются в углях и стреляют в ладони
Низкого неба, летящего в пламя.

В брызгах замкнулась дыра измерения,
Срезав перо у стрелы метронома.
В прах вырождается поколение
Оцепеневших под сводом фантомов.

И обернись: отраженье пропало,
Только, раскрывшись, шевелится книга.
Сон – передышка перед финалом.
Потяжелели забвенья вериги.

Ну попробуй, дорогой,
Ну звездани
По стене луной,
И в дребезги огни.
Говорят, на счастье,
Ну а может, зря,
Ведь пустое часто
Говорят.
Так рискни, испробуй
На себе:
Сбей с небес блестящий глобус,
Брось за лес.
Что там выйдет, ты расскажешь
Мне потом.
Не иначе днем вчерашним
Мы живем.

Он присел на рассохшийся пень и вздохнул,
Положил на колени костлявые пальцы,
Наклонился вперед и как будто уснул.
По штанине его муравей забирался.

Дома бабка привычно варила обед,
Внук из школы пришел и опять убежал,
Сын с работы вернулся. А деда всё нет.
Сдуру, молодость вспомнив, видать, загулял.

Вбиваю колья в колею веков,
В плоть поколений на гнилых скелетах
Хочу вколоться, как в пяту омлета,
Я из числа голодных едоков.

Для наблюдателя наивны и нелепы
Желанья и поступки живших в прошлом,
Но что б ни говорил историк дошлый,
Он сам – песчинка на кругах свирепых.

На чьих похоронах
Мы встретимся, любимый?
Кто охнет в тишине,
Когда я подойду?
Тебя покинул страх,
Что я тебя покину.
Что может быть страшней,
Чем поцелуй во льду?

Сведет ли вновь судьба?
О, помяни, любимый,
Устав с друзьями пить
Все ночи напролет.
Мой глупый младший брат,
Бессонницей гонимый,
Придет к тебе спросить –
Зачем же он живет.

Приняв твою тоску,
Всё вынесу, любимый.
Не осуди мой путь.
Дорога далека.
Весеннему цветку
Шепни святое имя, –
На миг отпустит грудь,
И стихнет боль в висках.

Как горько умирать, –
Тебе ль не знать, любимый? –
За тех, кто жив еще,
Не покидает страх.
За них пускай сгорит
Кусочек стеарина,
Нам встречу предрешив
На чьих похоронах...

Здравствуйте, братья!
Примите в свое молчание,
Дайте подкину отчаянья
В общий костер апатии.

Вспучился света кокон,
Искрами брызнул в небо.
С места поднялся кто-то,
Подал мне мяса и хлеба.

С водкой сошлись стаканы,
Вздригнул кадык на горле.
Пили за тех, кто канул
В жизни бездонной прорве.

Пили за тех, кто верил
В счастье, бросаюсь вниз.
Сажи горячие перья
Над головой пронеслись.

Жажда последнего слова
Стиснула душу в объятьях:
Я покидаю вас, братья,
Чтобы начать всё снова.

ХОЧУ УЖАСНО ДОЛГО ЖИТЬ

Хочу ужасно долго жить,
Вставать с рассветом и смеяться,
Твой взгляд ответный сторожить
И до угара целоваться.

Хочу ужасно долго жить
И знать тепло твоих ладоней,
И сердцем биться о ножи,
Когда ты вдруг от боли стонешь.

Хочу ужасно долго жить.

Несут по белу свету черти
Секрет о неизбежной смерти
И, размывая соль запретов,
Больных кидают на ножи,
Не говоря им сладкой лжи
И хохоча при этом мерзко.

Мы все рабы одной болезни.
Тут не схитришь и не пролезешь.
И молодым, и перезрелым
Без продолженья есть конец.
И шут, и бешеный наглец
Не любят слушать этой песни.

Хочу ужасно долго жить.

Летит чертей кортеж крылатый,
За ним вихрится смерч хвостатый.
Нам всем остался ход до мата,
Раз в небо взмыли «Миражи»
И с ревом рвутся в виражи.
А может, это чей-то «Шаттл»?

«Ты родился, и эту малость

Не изменить!» – вздыхает дьявол.
Он ждет последнего сигнала.
Он шепчет: «Молился богу!
Конечно, боги не помогут.
А что тебе еще осталось?»

Но смысл глубокий и печальный
Заложен в пламени банальном,
Заложен в искре гениальной.
Одна погаснет, но успеет
Зажечь другую: пусть истлеет,
Но передаст горящим факел.

Хочу ужасно долго жить.

Навстречу черным силам ада,
Грозящим смертью мириадам,
Навстречу ядерным триадам
И стаду жадных дураков,
Вздыхаясь, движется рекой
Гнев праведный и беспощадный.

Сейчас, пока не поздно, надо
Кричать и бить нам в медь набата,
И, ощутив идущих рядом
Единомышленников плечи,
Свести на нет земную нечисть,
И в клетки засадить всех гадов,

Чтоб жизнь, подаренную чудом,
Никто не мог себе в причуду
Или из ненависти к людям
Сломать и затоптать в пыли,
Перечеркнув круженье лиц
И веер разноцветный судеб.

Хочу ужасно долго жить.
Хочу, чтоб все мы жили долго.

Хоть слаб твой фонарь, не страшась неприязни,
Пусть ткет он из ночи тончайшую пряжу,
Ведь каждый из нас в этой жизни однажды
Сгореть и душою, и телом обязан.

Слышишь музыку? Тебе пора.
Голосом поймай тональность чуда.
Начинается твоя игра,
Повторения уже не будет.

Что там прошлое? – Тупой стрелой
За спиной свистит, но не догонит!
Кончился беспомощный покой,
Мир перед тобой как на ладони!

Поверни, как сможешь, все рули
И смертельные нажми все разом кнопки!
Пусть застопорят машины корабли
От неслыханной аранжировки.

Мы – драже из братьев и сестер
В общей бирюзовой оболочке.
Но в конце на совести костер
Восходить нам всем поодиночке.

Восходить за пролитую кровь,
За доверчивость гореть и за безверье,
Восходить на муки и любовь,
Дважды не сжимающую сердце.

Каждый волен выбирать свой путь.
Жизнь – борьба! (Пусть это тривиально).
Так играй и не страшись рискнуть
Пальцами и голосом печальным!

Да сверкнет твоя святая грань
В многограннике людских надежд и судеб!
Начинается твоя игра.

Я умру – не беда.
Но беда – не смогу
Разузнать, как ты здесь,
На живом берегу.
И помочь не сумею
Уже никогда.
Вот беда!

Снег идет, снег идет.
Выдох дня сбиваю бегом.
Надышавшись пыльным снегом,
Попадаю в поворот.

Отдышавшись за изломом,
Разжимаю звенья век:
Как и сзади, невесомо
Опадает серый снег.

ПЕТР БРЮСОВ

В плотной куче судеб
Отыскать свою бы.

Шарик мал, обойти нет труда.
Мы теряем с минутами годы.
Облака, а под ними стоят города.
Что нас гонит – любовь или голод?

Руки в ссадинах, ноги в мозолях,
По лицу паутинят морщины.
Но пока не погасли дыхание и скорость,
Мы бежим, а за нами лавина.

За спиною исчезли огни,
Ветер стих, заблудившись в тумане,
Шепчут травы: остановись, отдохни!
С нас, уставших, одежды снимают.

Все заботы и страсти забыв,
Мы попадаем в нежную зелень.
Серебрится луна в волосах у судьбы,
Растворяя тела в полутени.

Завтра снова взорвется рассвет,
Мы поднимем затекшие крылья,
И вперед, в никуда. Лучше запахов нет
Ароматов асфальта и пыли.

Шарик мал, обойти нет труда.
Мы теряем с минутами вечность.
Нам с тобой не дано осознать никогда
Наш конец. Ну, так будем беспечны.

ОТ АВТОРА

Мне повезло родиться на Урале, в Свердловске, то есть примерно посередине пути от Кронштадта в Ленинградской области, где родилась моя мама, до Петропавловска-Камчатского – родного города отца. После совместной учебы в Плодоовощном институте имени И. В. Мичурина оба моих родителя долгие годы трудились агрономами в совхозах Челябинской области (откуда спешно уехали из-за последствий Кыштымской аварии, – я чуть не умер от белокровия), затем Ярославской и наконец Московской области.

Прокручивая слайды памяти, я вижу картинку из окна на четвертом этаже в подъезде многоквартирного дома, где жила моя одноклассница. Долгое ожидание вознаградило. Она появилась на повороте к дому в сопровождении мамы и младшего брата. Я слез с пыльного подоконника и встал так, чтобы они никак не могли меня увидеть. Когда шаги и голоса стихли за закрывшейся дверью их квартиры, я выдохнул и услышал, как громко бьется мое сердце.

Эта девочка невероятно быстро заняла почти всё мое сознание и вызывала такие пылкие чувства, что я каждый день мечтал о том, чтобы увидеть и услышать ее, вызвать ее улыбку и угодить ей. А она с любопытством принимала мои неловкие ухаживания. После школьных занятий я часто бережно нес ее портфель и наслаждался журчанием ее голоса. По субботам она доверяла мне тяжелый баян в футляре, и мы вместе ездили из нашего поселка на электричке в Москву, где она посещала занятия в Музыкальном училище имени Гнесиных. Я заболел любовью, и вызванные этим волны эмоций и фантазий требовали продолжения, невозможного в силу воспитания и восторженного преклонения перед моим идеалом. Наконец бессонными ночами чувства стали сублимироваться в стихи.

После окончания школы и неудачной сдачи экзаменов в Бауманский институт я пошел работать на завод, где освоил профессию фрезеровщика. Затем поступил в Московский институт химического машиностроения, где увлекся игрой в студенческой команде КВН. Но вскоре забрал документы из института. Вооруженные силы СССР тут

же как пылесос втянули меня в свои ряды для «выполнения священного долга».

Мой идеал не пришел «проводить» меня в армию; она не приехала в войсковую часть в день «принятия военной присяги», не отвечала на письма. Я в итоге смирился с этой потерей.

Мою новую любовь я встретил на вечере танцев в актовом зале педагогического института имени В. И. Ленина, куда попал случайно вместе со своими товарищами – слушателями 1-го курса Высшей школы КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского. Меня поразили ее грациозные движения в танце, точеный профиль, безумно красивые глаза, нежный приветливый голос. Я был очарован и с каждым днем находил всё новые достоинства в моей избраннице.

Наш роман бурно развивался, и, переполненный эмоциями, я вновь ощутил в себе потребность записывать рифмованные строчки, которые диктовало вдохновение.

Рождение первой дочери стало торжественным аккордом нашей любовной симфонии. Это было событие, изменившее мое понимание окружающего мира, центром которого стала моя малышка. Но семейная жизнь сложилась достаточно драматично, поэтому я, видимо, и перестал писать стихи.

Третью мою возлюбленную я встретил в г. Вильнюсе после окончания 4-го курса. Эта литовская стюардесса, как я думаю, посланная мне судьбой, была не только маняще красива, но и вызвала в моей душе новые звуки и образы. И вновь рука потянулась к перу и бумаге. Осознание дальнейшего общего пути пришло как откровение. И мы идем по нему уже не один десяток лет. Рассказать об этом еще придется черед.

Когда нашей внучке было 4 года, она однажды прервала игру со мной и тихо сказала: «Деда, а ты знаешь, времечко бежит!»

Да, я знаю.

И предвижу, как минует еще немного лет, и она достанет с полки книгу моих стихов. И надеюсь, они помогут ей что-то понять.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. <i>Галина Склейнис</i>	4
ЭТО БЫЛО СЧАСТЬЕ...	7
«Ты перестала песню петь...»	9
«Ты прислушайся...»	10
«Твое дыхание, прикосновенья рук...»	11
«Монокль изящным жестом подняла...»	12
«Высунули звезды язычки в ночной проем...»	13
«Царица Тамара в оправе чеканной...»	14
«Прошла луна по звездам...»	15
«С гулким грохотом, стуча по рельсам...»	16
«По вечности бродить, как по долине снежной...»	17
«Смешливый, галантный, бесстрашный...»	18
«Наши встречи, вспыхнув, растворились...»	19
«Зябко что-то стало, как ты – не замерзла?..»	20
«Погнутый диск, потренькав, замолчал...»	21
«„Поздравляю с Новым годом!“, а потом...»	22
«Эхом в домах почерневших...»	23
«Бросилась тень на мороз из подвала...»	24
«Одеваться надо теплей...»	25
«Помнишь ежика на тропинке?..»	26
«Душевное распутство взяв на веру...»	27
«Ты не пишешь...»	28
«Думать ни о чем так просто...»	29
Метро	30
«Как я соскучился по дому!..»	32
«У меня еще есть полчаса...»	33

«Нам небо ниспослало торжество...»	34
«Поведу карандаш по листу...»	35
«Газета озаглавила шушущий потолок...»	36
«Усни, моя милая, – день отшумел...»	37
«Алый с золотом звон...»	38
«Люблю тебя, мой славный человечек...»	39
«Ушла. Удерживать не стал...»	40
«Мне эта осень заплатит вдвое...»	41
«Здравствуй, женушка...»	42
«Здравствуй, милая, родная!..»	44
«Снова дождь. Разлука снова...»	46
«Мы влюбляемся каждодневно...»	47
«Дай мне руку, сядь со мною...»	48
«Мы опять разделены...»	49
«Вечерело. Ветки дерева...»	50
«Тебя всё нет. Сижу и жду...»	51
«Не стоит, видно, тратить сил...»	52
«Люблю, любим, и так легко...»	53
«Конечно, вы правы, и нечего спорить...»	54
Рождение Арины	55
«Толстенькие ручки...»	56
Начало слова	57
«И всё же, всё же, всё же...»	58
«Поток неуловим...»	59
«Пленительная дева...»	60
«Милая моя, я полон нежности...»	61
«Ты лучше, чем ты говоришь...»	62
«Вечер светел...»	63
«Устала я, поверь, устала...»	64
«В эти дни, наполненные ветром...»	65
«Утро прыгало с солнечной вышки...»	66
ХОЧУ УЖАСНО ДОЛГО ЖИТЬ	67
Поэзия	69
«Убежал бы я на борт „Летучего голландца“...»	70
«Слова, что ничего не значат...»	71
«В бездну крутую идут звездолеты...»	72

«Стынет небо черным крепом...»	73
«Стук сухой в шершавой глотке...»	74
«Светает...»	75
«Ну что ты в пол уставился, что скис?..»	76
«В полете...»	77
«Люди, долго ночью по дороге шедшие...»	78
«Две старухи болтали...»	79
«Существование – будто сестра...»	80
«Телевизорные страдания...»	81
«„Это я-то тебя довела?..“»	82
Снег	83
«В свисте атомной палицы...»	84
«Кошки на цыпочках ходят по клумбам...»	85
«Что такое молчание?..»	86
«Пес-дождина громом харкнул...»	87
«Забрось подальше, спиннингист...»	88
«Увернувшись, смотришь в потолок скрипучий...»	89
«Словно знаки за трафаретом...»	90
«В дымном мареве дня...»	91
«Очкастые, ушастые...»	92
«На доске лица исчезли блики...»	93
Молитва	94
«Белым шорохом покрывала...»	95
Хиппи	96
«Горлом прикнопанный к ватману голоса...»	97
«Человек рождается с открытыми глазами...»	98
«Над головою руки...»	99
«Там, где котельная, виден был только...»	100
«Остановка – наизготовку...»	101
«Вышел месяц из тумана...»	102
«Прислонись к столбу...»	103
«Потихоньку вплетаясь в волну...»	104
«Западая в безумной атаке...»	105
«Капиллярные арки окостенели...»	106
«Ну попробуй, дорогой...»	107
«Он присел на рассохшийся пень и вздохнул...»	108
«Вбиваю колья в колею веков...»	109

«На чьих похоронах...»	110
«Здравствуйте, братья!..»	111
Хочу ужасно долго жить	112
«Хоть слаб твой фонарь, не страшась неприязни...»	114
«Слышишь музыку? Тебе пора...»	115
«Я умру – не беда...»	116
«Снег идет, снег идет...»	117
«В плотной куче судеб...»	118
«Шарик мал, обойти нет труда...»	119
ОТ АВТОРА	120

Литературно-художественное издание

Петр Викторович Брюсов

НАЧАЛО СЛОВА

Стихи

Литературный редактор:

Павел Жданов

Оригинал-макет, обложка:

Андрей Осипов

Верстка, корректура:

Алексей Гарипов

При оформлении обложки использована
картина «Свидание» художника

Александра Мягкова

Фото на 4-й странице обложки:

Андрей Осипов

Подписано в печать 29.09.2020. Формат 140×220 мм.
Гарнитура PT Sans. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Издательство «Охотник»
685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 11, офис 402.
Телефоны: +7 (4132) 63-18-15, 66-50-06,
эл. почта: охотник@online.magadan.su
info@hunterpress.ru
www.hunterpress.ru

Отпечатано в типографии «Любавич»
194044, г. Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9